

сериальный мюзикл

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Соблазнитель,
или Без пяти минут
замужем

Екатерина Гринева

Соблазнитель, или Без пяти минут замужем

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319992

Соблазнитель, или Без пяти минут замужем: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-38045-9

Аннотация

Ольге казалось, она довольна своей размеренной семейной жизнью с Борисом. Но все изменила случайная встреча на морском побережье с бывшим мужем: внезапная вспышка былой страсти заставила ее забыть обо всем... Игорь приехал в Крым на раскопки, и ему удалось обнаружить бесценные бронзовые статуэтки. Конечно, это не понравилось местным воротилам! Чтобы заставить его убраться с лакомого места, они стали угрожать Ольге, но все равно не смогли добиться своего. Тогда бандиты решили подставить ее и обвинить в убийстве...

Содержание

ПРОЛОГ	4
Год спустя	10
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Екатерина Гринева Соблазнитель, или Без пяти минут замужем

ПРОЛОГ

– Вишневская Ольга Александровна?

– Да. – Я села на табурет.

– Легчилов Роман Валерьевич. Следователь. – Он сделал паузу. – Я уже проинформировал вас о смерти вашего отца по телефону.

Я кивнула. В горле стоял комок.

– Его увезли?

– Да. Вашему отцу нанесли множество ножевых ранений. В квартире все перевернули вверх дном. Скажите, у вашего отца были враги?

Дело принимало странный оборот.

– А разве это не грабители? Я поняла, что это – ограбление.

– Мы отрабатываем все версии. В том числе и эту, – сказал следователь, не уточняя, какую именно версию он имел в виду.

– Н-нет, – сказала я, проводя рукой по лбу. – Он был пен-

сионером. Какие враги?

– А кем он работал?

– Начальником цеха на часовом заводе. Но он уже десять лет как на пенсии.

– Он хранил в доме какие-нибудь ценности, большие деньги?

– Ничего такого у него не было. Если и были сбережения, то небольшие.

– Двадцать тысяч рублей?

– Не знаю.

– Их оставили. Деньги в тумбочке – не взяли. Похоже, к нему залезли по ошибке, – задумчиво сказал следователь и посмотрел на меня.

Я нахмурилась.

– Пройдите в квартиру и посмотрите, что пропало.

Известие о смерти отца я получила, когда мы с Кристиной были на даче. Мы приехали туда на Первомайские праздники на несколько дней – отдохнуть и посадить цветы. Первый день мы валялись дурака. Погода была солнечной, ясной – настоящий праздник для дачников. Они приехали на свои участки с целью открыть дачный сезон.

Я потихоньку разгребала дачные завалы: убирала наверх старое белье, складывала в большие пакеты скопившийся хлам, чтобы потом вынести его на помойку. Дача была старенькой и нуждалась в ремонте и новой покраске – в нескольких местах краска уже слезла, обнажив потемнев-

шее рассохшееся дерево. Мы с Борисом думали заняться дачей, но тут грянул кризис, и наши планы были отложены на неопределенный срок.

Кристинка вертелась под ногами и пыталась помогать мне, но ее хватало ненадолго: минут на пять-десять, потом она со смехом отбегала от меня и снова принималась за свои дела – дергание за веревочку игрушечного клоуна или раскрашивание книжки с картинками.

Мы уже два раза поели и собирались пить чай, когда зазвонил мобильный. Я сделала Кристинке знак, чтобы она велась потише, и посмотрела на экран дисплея. Это была тетя Тома, мамина сестра.

– Да, – я откашлялась. – Мы сейчас на даче, – сказала я на тот случай, если она попросит меня приехать к ней и сходить на рынок за продуктами.

– Оля! Я хочу тебе сказать ужасную новость – твой отец умер. Его убили. Залезли ночью в квартиру и убили.

Я стояла ошеломленная, с трудом веря тому, что говорила тетя Тома. Мой отец... убит!

– Когда это случилось?

– Сегодня ночью. Он хотел ко мне приехать, но его все не было. Я решила поехать к нему. И вот...

Я звонила отцу два дня назад, он ни на что не жаловался. Все было как всегда: разговоры о Кристине, о том, как мои дела и что я собираюсь делать. Как Борис. В этом месте отец обычно делал паузу.

Борис ему не очень нравился, хотя он никогда не говорил об этом. Мой отец был слишком деликатным человеком, чтобы давать мне советы насчет личной жизни.

– Воры совсем обнаглели! А ведь предупреждали по телевизору в программе «Москва и криминал», что в праздники возможны ограбления квартир! Погода хорошая, все выедут на дачи, и грабители будут думать, что в доме никого нет, – трещала тетя Тома. – Бедный Саша! Господи, надо же! – всхлипнула она. – Здесь следователь. Он хотел, чтобы я сама сказала тебе об этом.

Затем трубку взял следователь.

– Ольга Александровна! Следователь милиции Легчилов Роман Валерьевич. Я хотел бы с вами поговорить. И чем скорее, тем лучше. Когда вы будете в Москве?

– Часа через полтора. Я сейчас выезжаю, – сказала я, едва шевеля губами. И дала отбой.

– Что случилось, мама? – Дочка стояла рядом и теребила меня.

– Твой дедушка умер.

– Умер? – Крестинка смотрела на меня, не понимая.

– Да. – Я присела на корточки и крепко прижала ее к себе.

– Как бабушка? Его теперь не будет?

– Не будет, Кристи, никогда.

Слез у меня не было. Услышав это известие, я словно окаменела внутри. Мой рассудок отказывался верить в смерть близкого человека. Пять лет назад я потеряла мать. Она

умерла в результате скоротечного рака желудка. Сгорела за полгода. Теперь папа...

Я сглотнула.

— Мы выезжаем, Кристи.

— Да-да. — Кристина нагнулась и стала быстро собирать рассыпанные по полу карандаши и фломастеры.

В Москву мы приехали к семи вечера. Я оставила Кристинку дома и поехала в квартиру отца.

Там меня уже ждал следователь, молодой мужчина лет тридцати, невысокого роста, в черном костюме и темно-синей рубашке...

...— Что пропало? — повторил вопрос следователь. — Вы можете установить?

Я встала с табуретки и на негнувшихся ногах прошествовала в комнату. Квартира, где жили отец с матерью, была небольшой однушкой в хрущевской пятиэтажке на втором этаже. Без балкона. Я предлагала отцу после смерти матери переехать жить к нам, но отец упорно отказывался.

— Я хочу жить там, где жили мы с Лялей, и никуда не уеду отсюда, — говорил он.

— Ну пап, ты же не можешь жить один! — уламывала его я.

— Почему, отлично могу...

Я мотнула головой, прогоняя воспоминания. В квартире царил дикий, просто чудовищный беспорядок. Стулья были перевернуты, книжные полки сдернуты со стен, книги валялись на полу.

В квартире все было перевернуто вверх дном.

Я внимательно осмотрелась и прошлась по квартире. Деньги лежали в ящике. Небольшая шкатулочка с мамиными кольцами и парой цепочек тоже была на месте. Ее не взяли. Странные грабители. Больше ничего ценного в квартире не было. Родители жили очень скромно.

– Вроде все на месте, – сказала я, судорожно сглотнув.

Следователь задал мне еще несколько вопросов: о расписке дня отца, куда он ходил, где бывал и с кем встречался. Напоследок попросил список друзей. Я с трудом вспомнила двух-трех бывших коллег. После смерти матери отец жил замкнуто и почти ни с кем не общался.

Мы расстались со следователем, и я поехала домой, с трудом сдерживая рыдания. А когда приехала к себе, то дала волю слезам, осознавая, что осталась во второй раз одна. Сначала мать, теперь – отец.

А на вопрос следователя: «Что пропало из квартиры?» – я ответить не могла. Но у меня складывалось впечатление, что меня просто подвела память и я не могла вспомнить. Что-то крутилось в мозгу: расплывчатое, неконкретное. Я даже злилась на себя за это, но ничего определенного в голову все равно не приходило.

Год спустя

В эту минуту я его почти ненавидела. Я повернулась на бок и посмотрела на Бориса. Он спал, полуоткрыв рот, и храпел. Я была твердо уверена, что всех храпящих нужно подвергнуть принудительному лечению или операции. Без всякого на то их согласия. Первое время Борькин храп сводил меня с ума. И чего я только не делала, чтобы отучить его храпеть. И к врачам водила, и к гипнотизеру. Ничего не помогало. Наконец я нашла выход: купила себе беруши и тем самым избавилась от надоедливого шума.

Под утро храп стал тихим, как будто его источник истощил свои основные силы за ночь. Во сне выражение Борькиного лица было по-младенчески невинным. И никаких морщин на лбу и складок около рта, как это частенько бывало в последнее время. Я пыталась отвлечь его от проблем, но по большей части безуспешно. Отстань, говорил Борис, сам со всем справлюсь. Как хочешь, говорила я и отходила в сторону. Зачем напарываться на неприятности? Если Борька выходил из себя, то он мог запросто наорать или психануть. А мне не хотелось, чтобы моя дочь Кристина стала свидетельницей наших личных разборок. Она и так реагирует на все слишком нервно и эмоционально.

Боря ее отчим, и привыкала она к нему долго. Целый год. Борька старался привязать ее к себе и для этого использовал

все способы: покупал огромные плюшевые игрушки, водил в детские развлекаловки, устроил грандиозный день рождения в кафе «Дюймовочка». С приглашенным тамадой – актером Молодежного театра, с успехом изображавшего Джека Воробья из «Пиратов Карибского моря». Такой праздник получился – просто супер-пупер. Глядя на актеров, весь класс пел и танцевал. Дети визжали и хлопали в ладоши. А Кристина стояла сияющая и гордая, что все это ликование было в ее честь. Но к Боре она не оттаяла, и нашел он ключик к ее сердцу только после того, как пообещал купить кошку редкой породы – бенгальской, которой Кристина уже придумала имя. Элли. Кошку на семейном совете решили покупать осенью, потому что летом ее девать некуда. А так еще почти целый год без проблем: не надо ломать голову, кому пристроить домашнего любимца.

Вот тогда-то Кристина, или Кристи, как я ее называла, и признала Бориса за своего. Хотя лично я против животных в доме. Кругом клочья шерсти, лишние заботы, и кто-то все время вертится под ногами, выпрашивая еду или лакомство. Но раз уж решили...

Я осторожно перелезла через Борю, стараясь не шуметь. Я собиралась на кухне попить кофе и обдумать предстоящую поездку на юг, в Алушту. Ехать мне туда не очень-то хотелось. Я уже привыкла отдыхать в Турции и Египте, и провести целый месяц на крымском курорте, где соотношение цены и качества зашкаливает в пользу цены, было совсем не

в кайф.

Но Кристинка ныла не переставая, ей ужасно хотелось на море. А в этом году, в связи с финансовыми трудностями, Борис не мог нас отправить на хороший курорт, я же выплачивала кредит за машину и тоже была стеснена в средствах.

Но это еще можно было пережить. Не беда. Хуже было то, что Борькин бизнес переживал не лучшие времена. Дела у Бори резко пошли под уклон. До кризиса он был преуспевающим ресторатором – три точки в Москве и шесть в области. Он хотел открыть магазин эконом-класса и назвать его «Берегиня» или что-то в этом роде, хотя я уверяла его, что этот вариант не очень хорош. «А что прикажешь: «Монетка» или «Два грошика»?.. – почему-то раздражался Боря. – «Берегиня» – название красивое и запоминающееся».

Я молчала. С Борисом спорить – себе дороже. Почему-то аргументы его не убеждают, а, наоборот, еще больше распаляют. Пришпоривают, как хлыст лошадь.

На кухне мне хотелось побыть одной в тишине. Когда Борька вставал – он начинал громко шуметь, и спокойно посидеть уже никак не удавалось.

Я достала из шкафчика кофе в зернах, налила в джезву холодной воды и насыпала туда две ложки с верхом итальянского кофе. Я любила пить крепкий кофе. Без молока и сахара.

Был выходной. Семь утра. Через два дня мы должны были уехать в Алушту. Чемодан я не собирала. Обычно я все

кидала в последний момент. Ненавижу составлять списки и ставить галочки. Если что-то забудется – не проблема, всегда можно купить на месте.

Я поставила джезву на плиту и посмотрела в окно. День обещал быть солнечным. Но сколько таких деньков не сдерживало своих обещаний... Солнце в Москве стало редким гостем и не часто баловало своим появлением. Зато на юге, конечно, погода другая. Мы сможем позагорать и отдохнуть. Сама мысль, что через два дня я буду ходить в топиках и шортах, порядком радовала.

На работе у нас был дресс-код, отклонения от которого карались по полной программе. Никаких тебе легкомысленных летних нарядов. С этим у нас было строго. Пару сотрудниц на моем веку даже уволили, когда одна пришла в черных чулках в сеточку, а другая в блузке с вырезом почти до пупка.

Клиенты бы их не так поняли, лицо фирмы прежде всего, учил мой начальник. После работы вы можете ходить хоть голышом, но в офисе – будьте добры не расслабляться.

Кофе пошел пузырьками, я быстро сняла джезву с плиты и налила напиток в чашку, привезенную из Турции. Темно-коричневую, с розовато-бежевой полоской по верху, напоминающей пенку. Чашка была похожа на кофе капучино. Прикольная чашечка. Я как увидела ее, так и влюбилась. Торговалась я за нее отчаянно. Черноволосый турок лет сорока пяти ни за что не хотел уступить ее мне за ту цену, какую

я назвала. Но я тоже стояла на своем. В результате мы сошлись на цене чуть повыше моей, и я ушла довольная, положив удачную покупку в сумку. Негласное правило любого восточного базара: торгуйся до последнего, и тебе уступят. Восточный торг – мини-спектакль, от которого получают удовольствие все участники. Когда я поехала в Египет в первый раз и купила разноцветные бусы не торгуясь, на лице продавца отразилось глубокое разочарование, словно ребенка лишили любимой игрушки. Облажалась ты, Оля, облажалась, выговаривала мне моя подруга Галочка, как же ты так! Никогда не соглашайся на первую цену, смело сбавляй ее в два раза, а потом начинай торг. Больше я не промахивалась и правила торга на восточном базаре помнила твердо.

Я сделала первый глоток кофе и ощутила, как мое настроение пошло вверх. Нет, кофе – лучший антидепрессант. Ну еще – шоколад, шопинг и... секс с любимым мужчиной, – в этом месте я запнулась. Я, конечно, привыкла к Борису, но сказать, что я в него влюблена... Я помахала ложечкой в руке и нахмурилась.

Я вспомнила, как часто мы с отцом спорили из-за Бориса. Не торопись выходить за него замуж, лучше присмотрись к нему, говорил отец. Я что-то не пойму твоего Бориса, вроде неплохой парень, но как пойдет вразнос...

Отец никак не мог найти с Борисом общий язык. Как только они встречались, так сразу начинали отчаянно спорить. Причем по всем вопросам. У отца, человека старой совет-

ской закалки, Борис, который начал заниматься бизнесом чуть ли не со школьной скамьи, вызывал раздражение.

– Е-мое, эти прыткие мальчишки, которые все знают и умеют, да еще пытаются учить, как надо жить...

– Да ладно, пап. Чего ты беспокоишься, Борис – нормальный мужчина, и мне с ним хорошо.

– Ты уверена в этом?

– Да.

– А вот глаза у тебя, дочка, – грустные. Может, не будешь бежать впереди паровоза? Куда торопиться-то?

– Я сама все решу, – обрывала я неприятный разговор.

Сама себе я говорила, что нахожусь уже не в том возрасте, чтобы гнаться за дешевой романтикой. Мне это совсем не нужно. Боря дает мне все, что необходимо одинокой тридцатилетней женщине с ребенком: покой, чувство защищенности и нежность. О чем я еще могу мечтать?

Я посмотрела в окно. Нет, кажется, денек будет неплохим. Яркие лучи солнца сигналили о том, что светило готово к своей работе и не собирается на этот раз отлынивать.

Я допила кофе и вернулась в спальню. Борис теперь лежал на спине, широко раскинув руки; из его рта вырывался тоненький храп. Я на цыпочках подошла к гардеробу и на верхней полке нашла новый купальник ярко-бирюзового цвета, который я еще не успела примерить. И сейчас я собиралась исправить эту оплошность.

С купальником в руках я направилась в ванную. В про-

шлом году мы делали в ней ремонт и на одной из стен установили зеркало во весь рост. Я не стала объяснять Борису, зачем мне оно. Но я знала свою маленькую слабость – я часто любила смотреть на себя обнаженную и любоваться своим телом. Фигурка у меня была хорошая от природы. Мне не нужно было изнурять себя диетами или фитнес-клубами. Я могла есть все, что угодно, и при этом не полнеть. Многие женщины мечтали бы оказаться на моем месте.

Я быстренько скинула халат и надела купальник. К моей смуглой коже ярко-бирюзовый цвет подходил просто идеально. Я повернулась вправо, потом влево. Нет, все-таки хорошо, что я притормозила у этого магазинчика, привлеченная яркой рекламой антикризисных цен, и зашла в него. Купальник был – чудо. Я сняла его и собиралась накинуть халат, как увидела в зеркале, что в ванную вошел Борис. Он приоткрыл дверь, всклокоченный, небритый, и расплылся в улыбке.

– Опаньки, – прохрипел он. – Это что еще за голенькая цыпочка тут разгуливает? А?

– Борь! – с легкой досадой откликнулась я. – Ты чего? Иди спи.

– А я уже проснулся, – и Борис хмыкнул. – Аккурат к завтраку. Чем ты меня накормишь?

Борис шагнул ко мне и просунул руку между ног.

– Борь! – Я невольно оттолкнула его руку. – Ну чего с утра-то? Давай не будем?

– Не хочешь? – На лице Бориса отразилось сложное сочетание обиды и удивления. – Не хочешь?

Я знала, какое болезненное у Борьки самолюбие, и поэтому тактично пробормотала:

– Лучше... в другой раз... вечером.

– И вечером... и ве-че-ром... – Борис, уже закрыв глаза, нежно поглаживал своего вставшего мальчика и пытался пристроить его сзади. – Наклонись, – шепнул Борис, – я сейчас...

Я оперлась руками о раковину и опустила голову вниз.

– Ты хоть дверь закрыл?

– Забыл, – почесал он подбородок.

– А если бы Кристина проснулась и увидела наши игрища?

– Ну обошлось же!

По-моему, это любимое словечко мужчин.

За завтраком настроение Бориса резко ухудшилось. Он сидел молча и ел все подряд. Это был очень плохой признак. Обычно Боря крайне капризен в еде и постоянно создает мне проблемы.

Он ел докторскую колбасу, но не ел сосисок и сарделек, любил хорошо поджаренную свинину, но почти не употреблял говядины, разве только тушеную, с приправами и картошкой. Обожал сырники, но терпеть не мог творог. Поэтому, когда Борька ковырялся в еде и вопил, что я опять под-

совываю ему какую-то бурду, я делала вывод, что с ним все в порядке. А вот когда происходило наоборот...

— Борь, что случилось?

Я села напротив и подперла щеку рукой.

— Что? — хмуро бросил он. — Ничего. Все в полном шоколаде. Как ты знаешь, мои дела на подъеме. Я — успешный бизнесмен и чертовски везучий предприниматель. Все, за что я берусь, у меня получается. — Его нервный смех сигнализировал, что Борька на взводе. — Теперь поняла?

— Поняла! — я кивнула. — Но это не повод так психовать. Я верю, что ты обязательно выкрутишься из этих временных трудностей.

— Вера — вещь хорошая! Но здесь одной веры недостаточно. Здесь нужны солидные бабки, которых у меня в настоящий момент нет.

— Ты же взял кредит в банке?

— Взял. А чем возвращать? Ты об этом подумала?

— Ты же знаешь, я с самого начала была против этого магазина. Тебе надо было остановиться на своих кафе-ресторанах, а за магазин не браться.

— Это — мое дело...

— Конечно, твое. Я просто советую.

— А бесполезные советы давать не надо.

Я понимаю, что Борис переживает за свой бизнес, который терпит катастрофические убытки. Борька — фактически банкрот, но признаваться в этом не хочет. На нем куча дол-

гов, с которыми он не знает как расплатиться. Как-то он обмолвился, что в крайнем случае продаст свою квартиру, которую мы сейчас сдаем. Правда, прибавил он, этого все равно не хватит, чтобы полностью заткнуть финансовые дыры. Я боюсь касаться этой темы, потому что тогда Борис становится невменяемым, и хрупкое равновесие нашей жизни грозит разлететься вдребезги, как изящная статуэтка из китайского фарфора, которую случайно задела локтем. Я боюсь заглядывать в будущее, потому что не знаю, что ждет нас завтра. И как настоящая женщина, в какие-то моменты я предпочитаю ничего не знать и прятать, как страус, голову в песок, потому что так спокойнее. И безопаснее.

И ради этого хлипкого мира, балансирующего в последнее время на опасной грани, я больше молчу, предпочитая не раздувать семейные ссоры, потому что пожар всегда легче предупредить, чем потушить.

А умная женщина не станет спорить с мужчиной и лезть на рожон.

Проснулась Кристина и пришла к нам на кухню с сонной мордочкой, потирая глаза руками.

– Привет! – Она села на стул и улыбнулась.

– Привет! – Я улыбнулась ей в ответ. А Борис подмигнул:

– Ужастик приснился?

– Не-а.

– В следующий раз обязательно приснится, – мрачно пообещал Борька.

– Не надо.

– Борь! – предупреждая произнесла я. – Прекрати!

– Молчу!

Кристина всегда немного разряжает взрывоопасную обстановку. У нее лукавая лисья мордочка, темные глаза, рыже-каштановые волосы, лицо, усыпанное веснушками, и тонкие губы, постоянно растягивающиеся в улыбке. Мой отец всегда говорил, что она похожа на меня в детстве.

Борис жутко комплексовал, что из-за кризиса не может отправить нас с Кристиной в Турцию или Египет, а может предложить только частный сектор в Алуште у какой-то своей дальней родственницы. Такой дальней, что он не знает о ней ничего, кроме адреса, который взял у матери. И это тоже было причиной его плохого настроения.

Борис обещал к нам приехать, но не говорил ничего определенного. «Когда дела отпустят, тогда и приеду».

– Мам, а ведь мы еще не собирались...

– Не собирались, – подтвердила я. – Но мы же не будем с собой баулы тащить.

Я наспех прикидывала, что взять из шмоток. И нужно ли покупать новый чемодан. У старого при поездке в Турцию в прошлом году отлетело одно колесико. Боря его приделал, но надолго ли?..

Я посмотрела на Бориса, который шумно пил кофе, уткнувшись в чашку, и перед моим мысленным взором возникла картинка нашей будущей совместной жизни: спокой-

ной, устоявшейся, без сюрпризов и потрясений. Я смотрела на него и понимала, что даже если за нашими плечами будет солидный стаж семейной жизни, воскресный завтрак будет протекать именно так: горка булочек, свежесваренный кофе, длинные ломти сыра, аккуратно лежащие на тарелке, разговоры, в которых мне приходится подстраиваться под Борьку – убеждать, соглашаться или, наоборот, молчать. Да, сейчас у Бориса трудные времена, но когда все рассосется, придет в норму, мы с ним будем жить именно так, как я сейчас фантазировала.

Я привыкла к нему, и поэтому мне с ним легко и одновременно трудно. Привычка – это палка о двух концах. С одной стороны, предсказуемость и стабильность, с другой – скука и рутина, когда все обрыдло до невозможности, хочется взорваться и заорать: «Как вы все меня достали!» И в первую очередь сказать эти слова Борису, который способен всю душу вымотать своей занудностью и дотошностью, который часто сидит, впялившись в телевизор, и молчит, а на все расспросы отвечает одно: «Слушай, не приставай. Дай отдохнуть человеку. На работе умотался, и дома никакого покоя нет».

Но я не взрываюсь, а держу себя в руках. Я понимаю, что мне не двадцать лет и характер-торпеда хорош только в молодости, когда море по колено и вместо одного мужика сразу появляется другой, как на месте срубленной головы Змея Горыныча моментально вырастает другая. С годами настрой

становится иным, и рубить сплеча не очень-то хочется. Да и глупо.

Жизнь заставляет меняться, и, увы, не в лучшую сторону. Это чувствую, что люди с годами становятся мудрее. Просто более осторожными, более гибкими, более скупными. Люди линяют, и вместо разноцветной яркой шкурки вырастает другая – серая и неприметная.

Но Борис мне нужен. И поэтому я терплю.

– Ой, булочки! – Рука Кристины потянулась к булочкам, лежащим на большом блюде.

– А ты умылась? Руки помыла?

– Ага. Вот. – Она показала свои ладошки. – Чистые.

– Ладно, ешь.

– Дядя Борь, ты когда к нам приедешь? – спросила Кристина, уминая булку.

– Я приеду позже, – буркнул Борька. – И буду плавать в море, как кит. – Он приложил руки к ушам и надул щеки. – Вот так... – И приблизил свое лицо к Кристине.

Она завизжала и, вскочив с табуретки, спряталась за меня.

– Как ребенок, честное слово! – снисходительно заметила я. – Вообще-то ты хотел вылететь вместе с нами.

– Хотел. – Борис провел рукой по волосам. – Но не получилось. Дела...

– Ты мог бы оставить их на Росторопшу.

Помощника Бориса по бизнесу зовут Миша Росторопша. Бывают же такие фамилии! Свою он оправдывал полностью.

Миша мелькал везде, как молния: худой, юркий, с зачесанными назад волосами, он выглядел значительно моложе своих лет. Когда я первый раз увидела его, то подумала, что Борька вовсю нарушает трудовое законодательство и эксплуатирует подростка. Миша Росторопша выглядел на пятнадцать-шестнадцать лет, хотя ему уже было двадцать три.

– У Росторопши свой участок работы. Парень и так пашет, как вол, а я ему вынужден зарплату скостить почти в два раза.

– Смотри сам. Когда выберешься, тогда и выберешься, – сказала я, не желая дальше спорить на эту тему. Какая разница, когда к нам присоединится Борька. Днем раньше – днем позже...

– Еще кофе можно? – спросил Борис, запихивая в рот половину булки.

– Можно. Я смотрю, у тебя аппетит появился.

Через два дня, в начале пятого, мы прилетели в Симферополь. Погода была по-южному жаркой, и не успели мы выйти в город, как за нами увязалась разношерстная компания: таксисты, предлагающие свои услуги, тетеньки, обвешанные табличками: «Сдаю жилье недорого», и носильщики, готовые подхватить твой чемодан и нести куда угодно.

На все вопросы, просьбы и советы я отвечала твердо: ничего не надо. Спасибо. Спустя минут пять многие поотстали, кинувшись на более сговорчивых граждан, и только еще пара

таксистов плелась за нами, обреченно повторяя: вам куда – отвезем за умеренную плату. Но когда я подошла к автобусным кассам, бедолаги отстали и примкнули к кучке коллег, стоявших на площади около своих тачек и зорко высматривавших потенциальную добычу.

Я взяла два билета, не посмотрев на места, потом с опозданием спохватилась – если последние, то Кристинку могло укачать, но нам повезло: мы сидели в середине, и Кристи, утомленная перелетом, могла поспать у меня на плече.

Ни поспать, ни подремать ей не удалось: автобус сильно трясло на поворотах, а повороты здесь возникали каждые десять минут, дорога шла серпантинном в горы, и, оставив свои попытки, Кристи уставилась в окно, замороженная открывшейся панорамой.

– Смотри! – Кристи прильнула к окну. – Краси-во! – протянула она.

Горы шли неровной грядой. Одна за другой, взмывая застывшими волнами. Ярко-синее небо было без единого облака, словно все облака попрятались в тень от летней жары.

В детстве мы с отцом и матерью только один раз ездили на юг и тоже, по странному совпадению, в Алушту. Детские впечатления, конечно, размазались, стерлись. Лет мне тогда было даже меньше, чем Кристинке, – пять с хвостиком. Я страшно радовалась, что еду к морю, и как только увидела горы, какой-то сказочный городок с игрушечными домиками, лепившимися один на другой, так сразу и влюбилась в

Алушту.

Я была готова все время купаться в море, жариться на пляже, есть вкусный плов и золотистые, с хрустящей корочкой, чебуреки, тающие во рту. Но родителям поездка почему-то не понравилась. Они все время ссорились, что само по себе было очень странно. Обычно они жили душа в душу, и я не слышала никаких сердитых ноток в их голосах. Правда, отношения они предпочитали выяснять не при мне, но все равно отголоски этих ссор докатывались до меня.

– Почему вы ссоритесь? – спросила я у папы. – Вам здесь не нравится?

– Нравится, но... – И он нажал мне на кончик носа.

– Ну, скажи, скажи... – требовала я.

– Ты все придумала...

И так обрывались наши разговоры. Мы с отцом несколько раз гуляли по городу. Один раз мы зашли во двор какого-то дома, и там, оставив меня на пять минут сидеть на лавочке, отец куда-то отлучился, и я сидела, болтая ногами, смотрела на кипарисы, росшие во дворе, и думала: куда отец делся и почему не взял меня с собой? Отец вернулся минут через пятнадцать сам не свой, нахмуренный и серьезный.

– И куда мы теперь? – спросила я.

– Домой. – И он крепко стиснул мою ладошку.

А вскоре мы вообще уехали из Алушты. И больше к морю не ездили. Только пару раз в Прибалтику. А потом, когда грянула перестройка, мы уже отдыхали либо на нашей даче,

либо в коттедже у Ритки Лебедевой.

Я забыла о своем давнем кратком отдыхе в Алуште, а сейчас почему-то вспомнила об этом. Потом Алушта мне часто снилась, но уже полувывмышленной-полуреальной. Город с белыми домиками, прикорнувшими в горах, как ласточкины гнезда. Потом и эти мимолетные воспоминания стали уходить из памяти, сны прекратились, и я совсем забыла о своем детском отдыхе, как и о многом другом.

Я уже не надеялась воскресить в памяти город, в котором была так недолго, но хотела, чтобы он, по крайней мере, не разочаровал – город из моих детских снов.

* * *

В Алуште мы разместились в двухкомнатной квартире на первом этаже пятиэтажного дома, который давно не ремонтировали. Он был окрашен бледно-желтой краской, облупившейся местами, и поэтому дом выглядел как недотёпа-отдыхающий с облезшей кожей, который обгорел на солнце в первый же день. Окна квартиры выходили в палисадник, где росли виноград и абрикосовые деревья. И еще роскошные кусты черники, каких я раньше никогда не видела.

В первый же день мы произвели рекогносцировку местности и, убедившись, что вокруг никого нет, подняли с земли палки и стали сшибать абрикосы, заманчиво выглядывающие из зеленых листьев. При удачном попадании абрикосы

с глухим стуком падали на землю, и Кристи подбирала их, запихивая в карманы.

– Не испачкаешь карманы? – спросила я. – Лучше складывай их на землю в одно место. А потом мы заберем их домой. А лучше клади на подоконник.

Я открыла окно нашей квартиры и провела рукой по подоконнику.

– Тащи их сюда.

Спустя какое-то время на подоконнике выросла горка абрикосов. Но при очередном запуске палки я не рассчитала силы, и она упала прямо на асфальтовую дорожку перед тучной женщиной в белой панаме, коротких бежевых шортах и ярко-розовой футболке, обтягивающей обвисшую грудь и живот.

– Хамы! – взвизгнула женщина. – Совсем с ума сошли!

Мы с Кристи дружно присели в кустах, надеясь, что там нас никто не увидит. Но нам не повезло. Через пару секунд кусты раздвинулись и показалась ухмыляющаяся физиономия мальчишки лет десяти.

– Баб! Они тут сидят.

– Извините, пожалуйста, – сказала я, выходя из кустов. – Это я нечаянно. Дочке захотелось абрикосов, вот я...

– Для этого есть рынок.

– Мы только что приехали...

Она окинула меня взглядом, а потом спросила:

– Вы из Москвы?

– Да.

– Я тоже.

Так состоялось мое знакомство с Лидией Семеновной, с которой мы стали ходить вместе на пляж, карусели и прочие курортно-увеселительные места, потому что ее внук Витя стал лучшим другом моей дочери. И мне приходилось терпеть ее компанию, бесконечные разговоры о двух дочерях, муже-алкоголике, кризисе и собственных болячках. Шел пятый день нашего отдыха. Борис звонил каждый день, и я старалась говорить с ним беззаботно-веселым тоном. Борька же, напротив, был мрачен, разговаривал нервно и отрывисто. Я даже не спрашивала, как его дела. По тону и так все было ясно. На все мои вопросы, когда он приедет, Борис отвечал неопределенно: «Скоро».

Даже сейчас, лежа на пляже, я не могла выбросить из головы Борьку и его проблемы.

Солнце припекало все сильнее. Я надвинула шляпу на лицо и раскинула руки шире. Это называлось загорать, или на санаторно-курортном языке – «принимать воздушные ванны». К этому делу надо было подходить умеючи. Дилетанты обгорали сразу, не рассчитав собственные силы; ярко-розовая кожа пузырилась и облезала неровными слоями. Им приходилось на некоторое время покидать ряды загорающих, прятаться в тени или прикрывать плечи махровыми полотенцами.

Принадлежать к числу этих лопухов мне не хотелось. По-

этому с самого первого дня я смазывала кожу молочком для загара и лежала под солнцем не больше десяти-пятнадцати минут. Я собиралась вернуться с курорта загорелой и свежей, а не кроликом, с которого только что содрали симпатичную шкурку.

Я приподнялась и посмотрела направо: Кристина плавала в море вместе с Виктором. Она повернулась ко мне и махнула рукой. Я помахала в ответ. Лидия Семеновна стояла на берегу и чесала языком со своей очередной приятельницей. Эта дама была как пиявка и моментально цеплялась за людей.

Кристина вылезла из моря: с синими губами и вся трясущаяся от холода. Я растерла ее полотенцем и сказала, что больше купаться она не пойдет. Виктор с Лидией Семеновной ушли на обед, и мы остались вдвоем. Через какое-то время Кристина заныла. Ей снова захотелось в воду.

В море я ее не пустила.

– Хорошо, – закивала она головой. – Я буду собирать ракушки.

– Ракушки можно, – согласилась я.

Я снова легла на полотенце. Несколько раз я поднимала голову и смотрела на ребенка, проверяя, на месте ли она.

Спустя какое-то время мне захотелось в туалет. Он был в конце пляжа. Я вымыла руки в небольшом фонтанчике и вернулась на свое место. Прежде чем лечь на полотенце, я посмотрела на море. Кристи на берегу не было.

Я нахлобучила шляпу на голову, поднялась и огляделась по сторонам. Кристина исчезла.

* * *

Я сглотнула и провела рукой по лбу, пытаюсь унять лихорадочную дрожь. Только успокойся, приказывала я себе. Только успокойся. Кристина куда-то отошла на минуту, это не повод для паники. Сколько раз ты ругала ее за это. Но она ребенок и еще не может полностью контролировать себя. Ее что-то заинтересовало, и она отошла в сторону. Только не паникуй. Только держи себя в руках.

Кристина не могла далеко уйти без моего разрешения. Я строго-настрого запретила ей это делать. А если ее похитили... Я не могу сбрасывать со счетов и такой вариант.

Я сделала глубокий вздох. Не надо было мне ее выпускать из вида.

Некоторое чувство успокоения внушало то, что Виктора тоже не было. Он с Лидией Семеновной уже, по моим расчетам, должен был вернуться с обеда и расположиться на пляже. Где-то они бегают вдвоем. Но как бы в опровержение моих надежд рядом со мной выросла бабушка Виктора.

– Жарко! – сказала она, обмахиваясь панамой. Виктор стоял рядом в черной бейсболке, плавках и футболке с изображением человека-паука.

Я бросилась к Виктору и начала трясти его:

– Слушай! Разве Кристина не с тобой?

Он опешил от моего напора.

– Н-нет. Мы же пошли в кафе, а она осталась с вами.

– Где же Кристина? – спросила я, ощущая, как у меня все обрывается внутри. – Где она?

Виктор пожал плечами:

– Не знаю.

– Ты ее видел?

– Нет. – И спрятался за спину своей бабули.

Я с отчаянием посмотрела на Лидию Семеновну.

– Кристинка? Потерялась? – спросила она.

– Я нигде ее не вижу.

– Она могла куда-то отойти.

– Куда? – истерично взвизгнула я. – Я строго-настрого запретила ей отходить. Я только отлучилась в туалет на пару минут. И вот... ее нет. Господи, Кристи!

– Подождите. – Лидия Семеновна крепко взяла меня за руку. – Восстановите события последнего часа. Что и как.

– Мы с Кристиной лежали на пляже.

– Это уже после того, как мы ушли в кафе?

Я кивнула:

– Да. Она просила меня разрешить ей пойти купаться, но я не разрешила. Да они и так перекупались, – кивнула я на Виктора. – Вылезли все синие, с синюшными губами, тряслись, как цуцики.

– Да уж! Наплавались и наныряться.

– Я сказала ей: иди к морю, поболтайся на берегу. Пособирай ракушки.

– И что она?

– Ушла. А я лежала и загорала. Несколько раз я поднимала голову и проверяла, где она. Все было нормально. Она была на месте. Потом я пошла в туалет, прежде чем лечь, посмотрела на берег. И не увидела ее. Она исчезла.

В эту минуту я ненавидела самую себя. За свое разгильдяйство и беспечность. Я не должна была ни на минуту, ни на шаг отпускать от себя ребенка. Я не должна была позволять ей идти одной к берегу... И здесь меня пронзила страшная мысль: а если Кристи утонула?

– Я... все поняла. – Я посмотрела на Лидию Семеновну безумным взглядом. – Кристина утонула.

– Оля! – трезвый возмущенный возглас женщины вернул меня к действительности. – Как она могла утонуть у всех на глазах! Что за чушь! Кто-нибудь обязательно бы увидел... Так не бывает, Оля!

– Вы так думаете?

– Конечно.

– Но... если она не утонула, то где она? – прошептала я.

Мы обвели глазами пляж и примыкавшую к нему набережную, отыскивая Кристи. Я с надеждой скользила взглядом по отдыхающим, сгрудившимся около палаток, по ребятне, бегавшей с мороженым в руках, по ярко-синему зон-

ту, под которым сидела представитель экскурсионной компании с рекламными буклетами и расписанием экскурсий.

Я рванула туда. К этой женщине лет шестидесяти в большой кружевной белой шляпке, в пестром блузоне и с бусами из искусственной бирюзы на загорелой шее я уже подходила несколько раз, когда хотела выбрать экскурсию в Севастополь или Никитский Ботанический сад. Но каждый раз Кристи ныла и тянула меня в сторону.

– М-мам! Не хочу. Это далеко.

– Да нет, Кристи, все нормально. Мы сядем на автобус и поедем. Там такая красота...

– Не хочу.

В эти минуты рядом неизменно вырастала Лидия Семеновна с Витькой.

– Да что вы, Оля, какие экскурсии, такая жарница! Испечетесь в этих автобусах. Охота ноги сбивать, ходить где-то. Лучше позагорать да покупаться.

Я сдавалась под этим натиском, досадуя, что мне опять не удалось убедить Кристину куда-нибудь поехать и расширить свой кругозор. Все-таки десять лет, девочка уже большая...

И вот теперь я кинулась к этой женщине со всех ног.

– Простите, вы не видели мою дочь? Такая темненькая девочка, – я взмахнула рукой. – Вот такого роста, в купальнике... – Я вывернула сумку и не обнаружила Кристиного платья. – Нет, в белом платье с голубым рисунком на груди. Не видели?

– Я помню вашу девочку, – кивнула женщина. – Но я ее не видела. А что с ней? Она пропала?

– Да. – Я беспомощно пожала плечами. – Пропала. И я схожу с ума от беспокойства.

– Дети часто пропадают. Бегают взад-вперед, потом оказывается – заблудились и не знают, куда идти. Вашей лет девять-десять?

– Десять.

– Она, по крайней мере, знает, куда идти и где вы живете. И легко найдет дорогу домой.

Насчет этого у меня твердой уверенности не было. Город незнакомый. Приехали мы недавно, и вряд ли Кристина легко найдет дорогу к нашему дому.

– Вы посидите здесь и подождите, а то она вернется на пляж, а вас уже нет.

– Спасибо.

Я отошла в сторону. Лидия Семеновна с Витей топтались рядом.

– Мобильного у нее нет?

Я мотнула головой.

– Был. Но перед самым летом потеряла.

Кристинке я купила мобильный в третьем классе. И при этом несколько раз повторила: «Не потеряй». Я все время ругала Кристинку за то, что она часто небрежно кладет сотовый в карман куртки, из которого у нее его могут вытащить, или кидает его дома где попало. И нам приходится искать

его, набирая номер и прислушиваясь, где он гудит.

Когда дочка, несмотря на все мои предупреждения, телефон все-таки потеряла, я сказала, что раз она такая Маша-растеряша, то нечего строить из себя взрослую и ходить с мобильным. И пока я ей взрослых вещей покупать не стану. Это была обида, да еще какая. Кристинка надулась и перестала со мной разговаривать. Пришлось дать тихий отбой. Но все сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Я купила в знак примирения торт, но взяла с дочери слово, что она будет следить за своими вещами и постарается быть более внимательной. А новый мобильный я обещала купить ей к новому учебному году.

– Был бы мобильный – позвонила... – Лидия Семеновна сняла большую соломенную шляпу и стала ею обмахиваться.

Потом она присела рядом на парапет набережной.

– Ба-б! – заканючил Витька. – Я хочу пить.

Лидия Семеновна метнула в меня растерянный взгляд.

– Вы идите, – поспешно сказала я. – Идите. Я сама буду ее искать.

– Вы уверены, что я вам не нужна?

– Нет.

Оставшись одна, я испытала одуряющее воздействие жары. Мозги плавилась, по лицу тек пот. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что в прогнозе на завтра обещали тридцать пять. Потом мысли снова скакнули к Кристине. Неужели она где-то ходит? Но где? Как она могла уйти с пля-

жа без меня? А что, если она все-таки утонула?

Женщина под синим зонтом сочувственно посмотрела на меня:

– Вы только не нервничайте. Она обязательно найдется. Дети, они не представляют, как мы паникуем, когда их нет. Вот у меня была история...

Я не слушала ее – я находилась в состоянии, близком к обмороку. Перед моими глазами все плыло, я сцепила руки... И когда в поле моего зрения попало белое платье с голубым рисунком на груди, я подумала, что вот – начинаются галлюцинации.

И упала в обморок.

Очнулась я от двух голосов. Звонкий детский щебетал:

– А мама не умрет?

– Нет, ну что ты, это обморок от жары.

Второй голос был пугающе знаком, он медленно всплывал из глубин памяти... я застонала и приоткрыла глаза. Я лежала на парапете, и рядом сидела Кристинка с мороженым в руке.

– Mamochka! – Родное лицо с волосами-кудряшками прильнуло ко мне. – Mamochka! Я так испугалась, когда ты упала. Я почему-то думала, что ты умерла. А папа сказал: пережарилась. Захотела быть шоколадкой...

– Где ты была? – тупо спросила я.

– С папой! Он подошел ко мне на пляже и пригласил про-

гуляться. Сказал: мы с тобой ходим, погуляем, сделаем маме сюрприз.

– Сюрприз...

Я села на парапет. Голова тупо болела. Я потрянула ею.

– Ну что? Очнулась? – насмешливо спросил знакомый голос.

Я посмотрела вниз – и первым делом в глаза мне бросились коричневые сандалии. Такие стильные, с ремешками. Я подняла глаза выше. Честно говоря, делать мне этого не хотелось. Мне не хотелось видеть этого человека. Но – пришлось. Он почти не изменился. Насмешливый взгляд, темные глаза, рассматривающие в упор. Загорелое лицо и новый штрих – небритость.

– Очнулась, – процедила я. – Так это ты увел ребенка с пляжа?

– Я! – И мой бывший муж широко улыбнулся.

Я набрала в грудь воздуха и, резко поднявшись с парапета, шагнула к нему.

– А ты подумал, что я буду нервничать и переживать, сходить с ума от того, что ее нет на пляже? А ему, видите ли, сюрпризы подавайте!..

– Тише! На нас уже смотрят!

– Скотина! – заорала я. – Подонок!

– Ну все... пришла в себя, – с расстановкой сказал он. – Кажется, мне здесь делать нечего...

Мой бывший ушел, даже не обернувшись. А я осталась

с Кристиной. В руке она по-прежнему держала мороженое. Моя дочь смотрела на меня расширенными глазами. Она предвидела, что сейчас я стану *мамой в гневе*.

Размахнувшись изо всей силы, я ударила ее по руке, и мороженое отлетело в сторону, описав в воздухе дугу и шлепнувшись на асфальт.

– Значит, ты ходила и ела мороженое, – свистящим шепотом сказала я. – В то время, как я...

– Мамочка! – прильнула ко мне Кристина. – Прости меня. Я оттолкнула ее. Шок, потрясение, обида были еще слишком сильны, чтобы я вот так вот просто взяла и простила. Если я слишком быстро отойду, то она подумает, что так можно поступить и в следующий раз...

Нет, я должна проучить ее.

– А если бы со мной что-то случилось! Например, разрыв сердца, как у дяди Коли с третьего этажа.

Кристина охнула, зажав рот рукой. Кажется, до нее стало *доходить*.

– Я не думала ни о чем таком. Правда, правда. – Ее глаза смотрели на меня испуганно и настороженно. – Просто папа сказал...

– Что сказал твой папа, меня не интересует, – холодно перебила ее я. – Главное, как *ты* могла!

И здесь Кристина заревела. Она плакала на одной ноте, без пауз, с редкими всхлипываниями.

– Я... больше... никогда не буду... – произнесла она между всхлипываниями.

Вот теперь можно было отменять наказание и протянуть ветвь мира.

Я крепко обняла ее.

– Я знаю, что ты больше никогда так не сделаешь. – И поцеловала ее в теплую макушку.

Но тут пришла очередь Кристины проявить характер.

Она уперлась обеими руками мне в грудь и закусил губу.

– Не надо. – И сердито мотнула головой.

– Ладно, – улыбнулась я. – Мир.

Она вскинула руку.

– Только тогда, когда купишь мне новое мороженое.

– Идет!

Сидя за столиком в кафе, я обдумывала сложившуюся ситуацию. Появление здесь Игоря было совсем некстати. Он мог внести сумятицу в наш размеренный отдых и порядком потрепать нервы. Сегодняшняя выходка была вполне в его духе.

Мы с Игорем поженились, когда он был молодым преподавателем, только что закончившим аспирантуру, а я студенткой-второкурсницей.

Я тогда училась в Архитектурном институте, а Игорь преподавал в МГУ. Вместе со студентами универа мы поехали на пикник, и там я познакомилась с Игорем Шалимовым. Я

влюбилась в него с первого взгляда. Высокий, подтянутый, с отличным чувством юмора и морем обаяния – ему ничего не стоило вскружить голову любой студентке. Чем он бессовестно и пользовался.

Этот пикник я запомнила надолго. Веселая студенческая компания, рыдающие звуки гитары, на которой играл Лешка Санаев, пляшущие огоньки костра... Там и произошло наше сближение.

Игорь повел атаку по всем правилам. Сначала был дежурный набор комплиментов, потом куртка, накинутая на плечи, прогулка к реке, потом страстный поцелуй, от которого у меня заболели губы, торопливый шепот: «Ты мне ужасно, ужасно нравишься!»

Игорь стал моим первым мужчиной, я с упоением открывала для себя новый и волнующий мир любви.

Лихорадка страсти охватила нас обоих. Мы встречались почти каждый день, через неделю я переехала к Игорю жить, а еще через месяц мы поженились. Это было счастливое, незабываемое время...

– Мам! Ты чего молчишь?

– Думаю. Слушай, папа тебе что-нибудь говорил о своих планах? Зачем он сюда приехал?

Кристинка помотала головой.

– А как он вообще узнал, что мы здесь? Ты сказала? – догадалась я.

Вид у Кристинки стал виноватым.

– Но я же не знала, что этого говорить нельзя. Он позвонил незадолго до отъезда, мы с ним поболтали. Я сказала, что мы едем к морю. Он спросил, куда. Когда я ответила, папа сказал, чтобы я тебе ни о чем не говорила. Он сделает нам сюрприз. Я так удивилась, увидев его на пляже.

Выпалив это, Кристинка отвела глаза в сторону. Ей было стыдно.

– Значит, так, – с расстановкой произнесла я. – Возвращаться к старому мы не станем. Но в следующий раз...

Дочь часто-часто закивала головой.

Я на секунду прикрыла глаза.

– Ладно. Больше не будем об этом говорить? Тебе еще мороженое купить?

Я позвонила на сотовый Лидии Семеновне и сообщила, что Кристинка нашлась. Лидия Семеновна издала радостное восклицание:

– Как хорошо! Мы так волновались! Слава богу, что все позади!..

Мы договорились с ней встретиться вечером в начале набережной, около фонтана.

Посидев в кафе, мы пошли домой. Идти до дома нам нужно было минут пятнадцать, вверх от пляжа. Вторую половину дня мы провели в городе, на рынке, покупая фрукты и овощи. Здесь они были ничуть не дешевле, чем в Москве, зато свежие и без нитратов.

Вечером позвонил Борис. Я обрадовалась, услышав его

ГОЛОС.

– Как вы там? – с этого вопроса Борис каждый день начинал наше телефонное общение.

– Нормально. Здесь жара такая – мозги просто плавятся.

– Завидую. А у нас здесь дожди... Вчера весь день лило как из ведра. Сегодня – тоже. Причем с самого утра. Представляешь, картинка: просыпаешься, а за окном дождь. И тебя нет рядом. – В голосе Бориса появились непривычно жалобные нотки.

– Ладно-ладно. Я же предлагала тебе поехать с нами. А ты отказался.

– Не мог. Дела заели. А так бы с радостью...

– Как ты? – перевела я разговор на другую тему.

– Улаживаю проблемы. Иногда кажется, что я сплю и вижу кошмарный сон: все летит к чертовой бабушке, как и во время дефолта в девяностые, я начинаю свой бизнес с нуля, заново. Только боюсь, что это будет не сном, а явью.

– Не надо паниковать. Ты справишься. И когда ты вырвешься к нам? Ты же обещал приехать...

– Без понятия.

– Планировал приехать в конце недели...

– Планировал...

Разговора явно не получалось.

– Я тебе еще позвоню завтра.

– Давай.

Вечером Кристина потянула меня на набережную. Она

любила бегать от одного сувенирного лотка к другому и смотреть различные поделки из ракушек: безделушки, часы, подсвечники, настенные картины. Кристинка останавливалась и подолгу застревала возле них. Я подходила к ней и спрашивала:

– Ну, что ты увидела на этот раз?

И каждый раз, показывая мне очередную безделушку, Кристина умоляюще смотрела на меня:

– Мама, давай купим это. Ну, пожалуйста!

В первый же день мы купили целую кучу подарков, и я думала, как же везти домой эти хрупкие ракушки. Придется где-то доставать картонную коробку и складывать все туда, предварительно обернув каждый предмет ватой или толстой тряпкой, чтобы тот не повредился при переезде. Но Кристина, похоже, не собиралась останавливаться на этом и хотела скупить половину южной барахолки.

Возле второго сувенирного лотка Кристина застряла капитально. Я видела ее юбку – ярко-розовую с неровным краем. Голову Кристины заслонял толстый мужчина, выбиравший себе полотенце с русалкой и надписью: «Даешь, братан!»

– Мам! – услышала я возглас дочери. – Подойди сюда.

– Я не могу протиснуться. Здесь куча людей.

Кристина вынырнула из толпы, обступившей лоток.

– Иди ко мне.

Я с трудом протиснулась рядом с ней.

– Смотри, какие красивые...

На этот раз ее внимание привлекли часы. Циферблат был окаймлен рамкой, сделанной из ракушек: внизу плескались в волнах дельфины, по бокам – горы.

– Мам, давай купим.

– Ты понимаешь, что мы уже скупили почти весь рынок, – обрушилась я на ребенка. – Сколько можно! У нас уже полная коробка этих сувениров!

Нижняя губа Кристины оттопырилась.

– Ты что, издеваешься над ребенком? Я куплю тебе эти часы, – услышала я рядом голос Игоря.

Я подняла глаза. Это был он. Мой сегодняшний мучитель! Теперь он был в белых брюках и черной футболке. Стильный пижон. Выбрит, несет каким-то умопомрачительным парфюмом. Я сглотнула.

– Я сама решу, что покупать ребенку.

– Ты забываешь, что она и моя дочь. – Он сделал акцент на слове «моя».

Я взвилась.

– А ты об этом только что вспомнил или как?

Его темные глаза гневно сузились.

– Тише! На нас смотрят.

– Пле-вать! – раздельно сказала я, вытаскивая Кристину за руку из толпы.

– Мне больно! – захныкала она.

– Не надо клянчить очередную безделушку. Мы уже зава-

лились этими сувенирами.

Я понимала, что порция моего гнева досталась дочери незаслуженно, и всему виной был ОН, стоявший рядом с самым беззаботным видом.

– Где твои педагогические навыки? – небрежно спросил Игорь. – Или ты их уже растеряла?

– Это тебя не касается.

– Подожди, – обратился он к Кристине, – сейчас я куплю тебе часы. Одну минуту. Раз ты хочешь, папа сделает тебе подарок.

– Какой добренький стал, – подпустила я шпильку. – Прямо как Дед Мороз.

– Ой, спасибо, – радостно воскликнула Кристинка и тут же осеклась под моим суровым взглядом.

– Игорь! – окликнул моего бывшего женский голос.

Моя голова, как компас, развернулась в ту сторону. И о чем я только думала. ОН, конечно, был в своем репертуаре и приехал на отдых не один, а с молоденькой телочкой-блондинкой. Девушкой лет девятнадцати в коротких беленьких шортиках и розовом топики. Все загорелые части тела были у нее на всеобщем обозрении: и длинные ноги (как ходули, с неприязнью подумала я), и пупок с пирсингом, и маленькая грудь, обнаженная почти наполовину.

– Подожди, – бросил он ей. Но блондинка неумолимо приближалась к нам.

– Постой тут, – это он опять ей. – Я на одну минуту.

Игорь нырнул в толпу около прилавка. Я изо всех сил старалась не смотреть на новую Игореву страсть, делая вид, что все происходящее меня не интересует. Кристина, напротив, смотрела на нее во все глаза.

Девушка же глядела мимо нас, временами встряхивая волосами и поправляя на плече большую пляжную сумку.

Игорь вернулся быстро.

– Это тебе, – протянул он часы Кристине.

– Ура! Спасибо, папочка!

– А кто меня поцелует? – И Игорь наклонился к ней.

Кристина звонко чмокнула его в щеку.

Я смотрела в сторону, всем своим видом показывая, что этот цирк ко мне не имеет никакого отношения.

– Красивая у меня дочка? – спросил он у своей спутницы.

– Забавная девочка! – У нее был низкий тягучий голос, как будто она много пила или занималась любовью. А скорее всего, верно было и то и другое. Сняли где-то комнату и тискались там с утра до вечера, с перерывами на морские купанья, обед и променад по вечерней набережной.

Я задержала вздох.

– Пошли! – Я с силой дернула Кристину за руку.

Дочь шла рядом со мной молча, крепко прижимая к себе подарок. Я шла быстрыми шагами, чуть ли не бежала.

– Мам! – Кристина остановилась. – Подожди, я уже устала.

– Дома отдохнешь.

– У меня ноги-и-и болят, – заныла дочка.

– Хорошо. Только пять минут.

Я стояла, с трудом переводила дыхание и постоянно оглядывалась, как будто за нами кто-то гнался.

Зазвонил мобильный. Я посмотрела на экран дисплея. Черт! Лидия Семеновна. Я совсем забыла о ней. Я нажала на соединение.

– Да?

– Оля! – раздался в трубке жизнерадостный голос. – Мы стоим, стоим, а вас – нет. Где вы?

– Я... что-то плохо себя чувствую. После дневного шока с Кристиной сильно голова болит. Извините, сегодня встретиться не получится.

– Ладно. Отдыхайте...

Убирая сотовый в сумку, я наткнулась на взгляд Кристины.

– А меня всегда учила, что врать нехорошо.

– В разумных пределах можно.

То ли нечаянно сказанные слова обладают странной силой воздействия, то ли что-то еще, но голова к вечеру у меня разболелась на самом деле. Я приняла две таблетки анальгина и легла на кровать. Кристина возилась в кухне, расставляя на подоконнике и столе свои ракушечные сокровища.

Я лежала на кровати и смотрела пустыми глазами в потолок. Какой черт принес сюда Игоря, какого черта он выдер-

нул с пляжа Кристинку и чуть не довел меня до инфаркта, какого черта он снова появился в моей жизни, и как раз в тот момент, когда больше всего на свете я хотела забыть о нем.

– Мама! – Кристинка выросла в дверях.

– Что?

Она молчала и смотрела на меня не по-детски серьезным взглядом.

– А почему ты рассталась с папой?

– Так получилось, – ответила я как можно более небрежным тоном. Когда дочь задала мне этот вопрос в первый раз, я ответила ей, что мы с папой не расстались, а просто временно разъехались. Решили пожить отдельно.

Первое время Игорь приходил к нам раз в месяц, потом раз в два месяца. Потом он исчез на полгода... Затем объявился снова...

Он приезжал, звонил в дверь и брал Кристинку с собой. Они уезжали в зоопарк или парк Горького и гуляли там до вечера. Игорь водил Кристинку в кафе, развлекал ее. Она приезжала после этих встреч радостная, сияющая, а у меня на душе скребли кошки, и мне все время хотелось сказать, что ее папочка – законченная скотина. Но я прекрасно понимала, что говорить это нельзя... Еще не время. Она слишком мала и ничего не поймет в наших взаимоотношениях.

Я рассталась с Игорем, потому что он был неверным мужем, бессовестным трахальщиком, который имел все, что движется, и бесчувственной скотиной. Я не могла больше

терпеть его выходки и поэтому выставила его из дома с чемоданом, когда Кристинке исполнилось пять лет.

Я была сыта по горло его похождениями со студентками, бесконечными звонками, когда на том конце либо тупо молчали, либо раздавались неестественно-высокие голоса: «А можно к телефону Игоря Александровича? Мне по делу». Такие голоса «якобы по делу» я распознавала сразу. Безошибочную женскую интуицию не проведешь.

Но конец нашему браку положила история с беременной студенткой. Я тогда возвращалась из магазина с полной сумкой продуктов. До Нового года оставалось несколько дней, и я уже планировала, как мы проведем их на даче у друзей.

Я шла торопясь и не сразу увидела, как от подъезда нашего дома ко мне наперерез бросилась какая-то женская фигура в коротком полушубке.

– Простите... – начала я, пытаюсь ее обойти.

– Вы – Ольга Владимировна? – бойко затараторила незнакомка.

– Да. Это я. – Тяжелые сумки оттягивали руки.

– Я – Вероника. Студентка Игоря Александровича.

– А... Он сейчас на работе.

– Я не о том... – Незнакомка склонила голову набок. Это была молоденькая девушка лет восемнадцати. «Студентка-первокурсница», – мелькнуло у меня в голове. – У нас с Игорем Александровичем будет ребенок.

Сказанное дошло до меня не сразу. Сумки выпали из

рук, и мандарины покатались по гладкой снежной дорожке. Незнакомка кинулась поднимать их и запихивать обратно в сумку.

– Я давно хотела с вами встретиться и сказать это, но все не знала, как это лучше сделать, чтобы вас не нервировать. Игорь Александрович говорил, что вы не совсем здоровы...

– Что? – Я стояла и смотрела на нее во все глаза. – Он вам такое говорил?

– Да.

Я с трудом сдерживала слезы, которые готовы были брызнуть из глаз сию секунду.

– Значит, я – нездорова?

– А что, не так?

В пяти метрах от нас остановилась машина. Включились фары. Теперь я видела девушку как следует: маленькое личико и большие глаза, как у совы.

Я молча развернулась к ней спиной и потянула на себя тугую дверь подъезда.

Игорь был дома. Он посмотрел на мое лицо и спросил:

– Что такое, Олюш?

Я изо всей силы врезала ему по физиономии.

– Твоя любовница стоит там внизу и говорит, что у нее от тебя будет ребенок.

Больше всего на свете я хотела услышать от него, что это неправда и что я все придумала. Но он небрежно бросил:

– Подожди, остынь, а потом поговорим.

– Так это правда?

Из комнаты высунулась Кристина.

– Дочка, иди к себе.

Она снова ушла в комнату.

– Пошли на кухню, – предложил Игорь.

В кухне я опустилась на табурет.

– Понимаешь, эта Вероника мне просто прохода не давала. Типичная первокурсница. Ты не волнуйся, я улажу эту проблему. Больше она к тебе не подойдет.

Я встала с табуретки и пошла в комнату к Кристине.

Впервые мы с Игорем спали в разных комнатах. Посередине ночи я проснулась и долго лежала, глядя в потолок. Рядом мирно посапывала дочка, а мне хотелось реветь во весь голос.

Утром, когда Игорь ушел на работу, я собрала его чемодан и поставила в коридоре. Когда вечером в десять часов он позвонил в дверь, я схватила чемодан и перенесла его через порог.

– Вот, бери. Здесь все твое. За остальным можешь прийти позже. – И захлопнула дверь.

– Подожди, Оль! Нам надо поговорить.

– Вчера поговорили.

– Ты не думай! Я еще приду...

– Не думаю. Потому что больше ты не придешь. Это я тебе обещаю.

– Ты не можешь так все...

Дальнейшее я не слышала, так как заткнула уши. Мне было совершенно все равно, что он там говорит, если мой – теперь уже не мой – муж мог так быстро все перечеркнуть и связаться с этой Верой или Вероникой. Я помнила, что имя начинается на «В».

А больше – ничего.

Я отняла руки от головы. Кажется, он ушел, потому что больше никаких воплей за стенкой слышно не было.

Значит, ушел.

Так-так.

И я медленно сползла по стенке в коридоре, разразившись беззвучными рыданиями.

– Мама! – раздался голос дочки. – Ты мне обещала сегодня елку собрать. – Кристина проснулась и вышла из своей комнаты.

– Обещала... – Я быстренько вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Ну, так будем или нет?

– Уже поздно.

– А я выспалась и спать больше не хочу. Я хочу елку нарядить.

Кристина подошла ко мне.

– Ты плакала? – Она провела пальцем по моей щеке. – Слезы кап-кап. Нехорошо.

– Это точно. Нехорошо. Ладно, давай собирать елку. Я сейчас достану ее с антресолей.

Красивую пушистую чудо-елку мы купили два года назад в большом «Детском мире». Нам надоело каждый год покупать живую елку, а потом собирать иголки по всему полу, к тому же Кристи тогда была слишком маленькой и могла за-пихнуть иголки в рот, как это чуть не случилось однажды. Поэтому на семейном совете мы решили приобрести дорогую искусственную елку, которой хватит надолго.

Мы нарядили елку, Кристина носилась вокруг нее и все время спрашивала, когда вернется папа. А я говорила ей, что он уехал в командировку.

Ночь я не спала. Сидела на кухне и травила сигареты. Одну за другой. Я все еще не могла поверить в случившееся. В то, что наша семейная жизнь рухнула в один момент.

Шалимов ушел, оставив меня одну. Положим, это я его выгнала, но от перемены слагаемых сумма не менялась. Терпеть его выходки и измены я больше не могла.

А почему, раздался внутри меня голос. Сколько женщин терпят, и ничего. В конце концов, он изменил тебе не в первый раз, и раньше ты терпела. А сегодня взвилась, как ошпаренная кошка. Выгнула спину дугой и зашипела.

Да, я терпела. Но все когда-то кончается. Меня доконала новость о беременности. Почему-то узнать об этом было невыносимо больно и унижительно. словно ребенок предполагал не некий обезличенный секс, а совместные планы на будущее, нежность, доверие и внимание. И все это было предназначено Веронике или Вере. Ее имя я не помнила,

хоть убей.

Положим, это – все, рассуждала я. И что дальше?

Дальше ничего не просматривалось, как будто я была в темном лесу без фонарика и не знала, куда идти.

Я уже привыкла быть замужем и не представляла себя в ином качестве.

Я втайне надеялась, что Шалимов приползет с повинной и попросит прощения. Скажет, какая он скотина и негодяй. Я, конечно, немного поломаюсь, а потом... потом – прощу. Я поступила опрометчиво и теперь раскаивалась. Мне хотелось повернуть время назад и сделать вид, что ничего не было.

Но Шалимов не приходил. И не звонил. Меня охватила самая настоящая паника. Но звонить первой я не могла. Рука не поднималась. В результате Новый год я встречала одна. Кристина легла спать. А я сидела в спальне и пила шампанское в каком-то сомнамбулическом состоянии. Когда зазвонил телефон, я кинулась к аппарату, чуть не запутавшись в проводах телевизора. Звонил отец.

– Как вы там?

– Нормально, – бодрым голосом сказала я. – Сидим пируем.

– Кристина спит?

– Да. Легла.

– Я завтра позвоню и поздравлю ее. Передай поздравления Игорю. Он далеко?

– Да. В ванной.

– Ну пока.

– Пока. Целую.

Следующий месяц был настоящим кошмаром. Я вздрагивала от каждого телефонного звонка и сидела как на иголках.

Но Шалимов не звонил.

И не появлялся.

И надо было как-то налаживать новую жизнь.

Вот только как?

Я не знала.

* * *

Пришлось позвать на помощь мою подругу Галочку, у которой всегда был сто один рецепт на все случаи жизни. Главное – не отчаиваться, учила она меня. По Шалимову не тосковать и не сохнуть. Сам приползет. А не приползет, и не надо.

Галочка давно мечтала о замужестве, но, несмотря на многочисленные встречи-знакомства, завести серьезные отношения ей никак не удавалось. На шушере бросаться не хотелось, а приличные экземпляры не попадались. Мечтой Галочки было выйти замуж за иностранца. Она исправно размещала объявления на интернетовских сайтах, желая поймать в свои сети заморского принца. Но принцы никак не попадались.

Вместо них объявлялись сексуально озабоченные мужички, ищущие девушку без комплексов, женатики, мечтающие о внесупружеском сексе на стороне, и просто авантюристы всех мастей, желающие развести женщину на секс и бабки.

После расставания с Шалимовым я впала в настоящую депрессию. Мне не хотелось никого видеть и никуда ходить.

Моя жизнь напоминала замкнутый круг: дом – работа, дом – работа. И вытащил меня из этой депрессухи Борис, с которым я познакомилась на одной деловой презентации, куда меня отправил босс. Я на нее опоздала, да еще чуть не сломала каблук, споткнувшись на крыльце особняка, в котором проходила эта самая презентация. В зал я пришла уже не в настроении, потом, я испытывала чувство вины, что Кристи осталась дома одна, а я торчу здесь с бокалом вина и расточаю улыбки налево и направо незнакомым людям. Я не была настолько раскованной особой, чтобы чувствовать себя свободной на всех этих фуршетах-банкетах.

Мужчина в черном костюме вырос около меня внезапно.
– Вы здесь первый раз? – спросил он, наклонив голову в мою сторону.

Я смерила его взглядом с головы до ног. Невысокий, рыжий, с небольшой бородкой, на лице – наглая ухмылка.

– Первый.

– Я тоже, – усмехнулся он. – Скукотища. Вы не находите? Меня, кстати, зовут Борис.

Возникла пауза.

– Вы думаете: послать или познакомиться?

Я прыснула.

– А вы догадливы.

– Послать вы всегда успеете. Лучше познакомиться. Вы кем работаете? Я – ресторатор. Владелец сети кафе в Москве и Подмосковье.

Я тянула паузу.

– Консультант в сфере недвижимости.

– Круто! – присвистнул он.

Я скривилась.

– Не такая уж это крутизна. Чтобы воплотить проект в жизнь, нужно учесть кучу деталей и мелочей. Делаешь-делаешь, стараешься-стараешься, а потом выясняется, что заказчик хочет совсем другого. Или у него поменялись интересы. И все начинаешь сначала.

– Может, мы продолжим эту увлекательную беседу в другом месте? – предложил мне мой новый знакомый. – Например, в кафе за углом. Я знаю одно симпатичное заведение.

Я молчала. А потом неожиданно для себя выпалила:

– Можно. – И улыбнулась.

Народу в кафе хватало, мы с трудом нашли свободный столик. Официант подлетел к нам почти сразу. Я ограничилась коктейлем и кофе. Борис заказал ужин.

С ним было легко. Складывалось впечатление, что мы старые знакомые. Но я была женщиной, которая обожглась в браке, и поэтому внутри меня всегда оставалась насторожен-

ность, словно я дала самой себе слово не расслабляться и быть начеку.

Похоже, Борис это чувствовал, потому что когда я сказала, что мне пора, не стал меня удерживать или уговаривать остаться. Вместо этого предложил подвезти до дома. Я согласилась.

Когда машина остановилась у подъезда, мы обменялись телефонами, и я подумала, что на этом все закончится. Но Борис позвонил на следующий день и опять пригласил в кафе. Непонятно, почему я согласилась. Наверное, мне было приятно мужское внимание. Нельзя жить озлобленной на весь свет и постоянно говорить себе, что все мужики – сволочи. Это неправильно.

Я пошла на свидание, и в тот же вечер Борис остался у меня.

Он брал не страстью, а нежностью. У меня не было мужчины с момента расставания с Шалимовым, то есть почти два года. Я сознательно не хотела близких отношений и не шла на контакты с мужчинами. Но здесь я разрешила себе пойти на это.

Я просто почувствовала, что мне это необходимо. Необходимо снова чувствовать себя любимой, желанной, словом, быть женщиной.

Я не могу сказать, что Борис устраивал меня как любовник. Но не это было главным в наших отношениях в тот период. Мне нужна была нежность, поддержка, взаимопонима-

ние. Борис давал мне все это.

Вскоре мы стали жить вместе. Он переехал ко мне вместе со своим скудным гардеробом. Я срочно занялась его одеждой, и мне удалось более или менее привести Борьку в приличный вид.

– Мам! – Кристи снова выросла в дверях, отвлекая меня от воспоминаний. – Иди на кухню. Посмотри на мои ракушки.

– Сейчас. – Я встала с кровати.

– Мам! Ты что какая-то...

– Какая?

– Волну гонишь. Насупленная. Что случилось?

– Ничего.

– А вот и не верю. Это из-за папы, да?

– Нет.

– Да.

– Будешь спорить – попадет.

– Я уже большая, и шлепать ты меня не имеешь права.

– Я сама решу: имею или нет. И не приставай ко мне со своим папой.

– Значит, из-за него, – подвела итог нашему спору Кристи. – Ладно, мам. Я приставать не буду. Я все понимаю, – многозначительно сказал ребенок, – не маленькая.

И все-таки появление Шалимова нарушило мое душевное равновесие. Пару раз я столкнулась с ним на набережной. Он

был со своей Аленой, и я, стиснув зубы, пролетела мимо них, крепко сжимая Кристинкину руку. Мне хотелось убить их обоих. Нужно телеграфировать Борису: пусть скорее приезжает. Неужели Борька не может все бросить и приехать ко мне? Я понимаю, что у него дел выше крыши, но на то есть заместитель, и приехать ненадолго можно.

Дело принимало опасный оборот. Мой бывший вызывал во мне ненужные воспоминания. В свое время я разрубила сплеча эту ситуацию, и дважды входить в одну и ту же реку не хотела. У меня был налаженный образ жизни: Кристи, Борис, моя работа.

Так больше продолжаться не могло. Я звонила Борису два раза в день, уговаривая его приехать. Я представляла, как Боря сидит в своем кабинете, и нетерпеливо стучит карандашом по столу, и думает, что я окончательно свихнулась от палящего солнца или стала самкой-нимфоманкой, возбужденнейшей от обилия голых тел на пляже и флюидов флирта и секса, которые витают в каждом курортном городе.

– Я приеду чуть позже, – уверял меня Борис. – Когда окончательно разберусь с делами.

– Борь! Я слышу это каждый раз, когда звоню. – Мои руки крепче вцепились в трубку.

Мой мобильный разрядился, и я звонила по автомату на набережной.

– Ты думаешь, я не хочу валяться на песочке и потягивать пиво? Считаешь, мне нравится сидеть в этой гребаной кон-

торе и разбираться с делами?

– Я все понимаю, Борь. Но ради... нас.

Он замолчал, а потом я услышала вздох.

– Постараюсь в ближайшие дни. Но ничего не обещаю.

Я не успела повесить трубку и повернуться, как наткнулась на Игоря, стоявшего около таксофона. В его взгляде читалась откровенная насмешка.

– Страхуешься?

Кристинка зажимала себе от смеха рот.

– Предательница! – накинулась я на нее. – Твой папа по-дошел, а ты меня не предупредила.

– А он мне т-а-ак сказал, – протянула Кристи, – чтобы я молчала.

Мне хотелось шлепнуть ее, но сердиться или ругаться на Кристинку я не могла.

– Я предлагаю всем пойти в парк, – сказал Игорь.

– Мы уже там сто раз были.

– Ну ма-мочка! – схватила меня за руку Кристинка.

– А где... твоя подруга? – не удержалась я.

– Алена уже уехала.

– Остался один?

– Можно сказать и так.

Игорь протянул руку Кристине.

– Ну что, пошли?

– Ага.

– Мороженое хочешь?

– Два, – Кристи для убедительности показала это на пальцах. – И побольше.

– А ты?

– Обойдусь без сладкого. В последние годы привыкла к горькому.

– Какие проблемы? Здесь есть небольшой ресторанчик с вкусными рыбными блюдами. Ты когда-нибудь ела акулу?

– Не приходилось. А в ресторанчик ты уже заглядывал с Аленой? – не удержалась я.

– Ну... да.

– Тогда не надо.

– А я хочу акулу, хочу! – прыгала рядом Кристи.

– Найдем другой ресторан.

Я вела себя как девчонка, но не могла остановиться. По-неслась на всех парусах. Или это Игорь на меня так подействовал? Я никак не могла взять ровный, спокойный тон, который давал бы мне чувство безопасности.

Мы нашли ресторанчик «Золотой Синдбад» и сели за столик. Было уже около семи вечера, и народ подтягивался к набережной на вечерние гулянки. Подошла официантка.

– Фатима! Нам три блюда из акулы. – Игорь улыбнулся ей. Смуглая Фатима в ответ блеснула белыми зубами и потрянула черными как смоль волосами.

– Сейчас.

Невольно я почувствовала укол ревности. Раньше мне всегда хотелось вцепиться в каждую женщину, которой он

улыбался. Получается, что старая ревность никуда не делась. Она глухо заурчала внутри и подняла голову. Я стиснула зубы, пытаюсь побороть ее приступ.

Обаяние Игоря было врожденным, он изливал его на многих женщин, которые попадались ему на пути, безотчетно, бессознательно. Я это хорошо помнила. И поэтому приказала себе успокоиться и не нервничать. Теперь он мне чужой человек, и я не имею никакого права его ревновать.

– Подождем. Ну... рассказывайте, как живете. Мы в эти дни толком и не общались. Теперь жду от вас подробностей: что и как.

– Живем мы хорошо, – начала Кристинка. – Мама работает, я хожу в школу. Любимые предметы – рисование и физкультура.

– Это я уже знаю. – Игорь нажал ей на кончик носа. – И про ваши праздники ты рассказывала, и как выступала в школьном спектакле и тебе подарили шоколадный набор и плюшевого зайца.

Я сидела и старалась принять независимый вид.

– А у тебя, Оля, как дела? – спросил Игорь, поворачиваясь ко мне. Теперь я могла рассмотреть его ближе и внимательно. Чуть располнел, заматерел, взгляд стал более жестким и пронзительным.

– Тебя это действительно интересует? – холодно спросила я.

– Естественно. Очень даже интересует.

Он как будто забавлялся моей нарочитой грубостью и раздражением, потому что догадывался о настоящих причинах такого поведения.

– Прекрасно. – Я подняла вверх одну бровь. – На работе меня ценят как первоклассного специалиста, тружусь над новым проектом. Так что у меня все хорошо.

– Ты, кажется, в строительной компании работаешь? Сейчас там сплошной кризис. Еще держитесь? Или всех за шкуру повыгоняли?

– Это заботы начальства. Но пока все тихо. Конечно, объемы работы пришлось подсократить, но... – Я осеклась. Какого черта! Я сижу здесь перед ним и пытаюсь сделать вид, что мы – хорошие друзья. Умеет же он перевернуть все с ног на голову! Он меня смертельно обидел. Я даже дышать первое время после его ухода не могла. Было чувство, что мне тяжелую плиту на грудь навалили и сказали: «Живи!» А теперь он сидит и расспрашивает о моей жизни добрым участливым тоном. Ну прямо кореш старый! Друган!

– Ну что ты лезешь в мою жизнь! – совершенно искренне простила я. – Какого хрена!

– Тише! Не выражайся. Или это общение с твоим дружком на тебя так повлияло?

– Дружок тут ни при чем. Это ты доводишь меня до белого каления.

Кристина смотрела на нас непонимающими глазами.

– Папа! – Ее нижняя губа оттопырилась, как будто она

собиралась заплакать.

– Ты что травмируешь ребенка!

Я сидела, тяжело дыша. Меня самую удивила эта вспышка гнева. Я не ожидала, что так бурно среагирую на слова Игоря. Умеет же он за пару секунд вывести меня из себя.

– Не надо ругаться. Я сейчас заплачу.

– Все-все, моя хорошая. – Мой бывший наклонился к Кристи и поцеловал в щечку. – Не расстраивайся, зайчик. Мама просто пошутила.

– Правда-правда, – кивнула я, натянуто улыбаясь.

– Ой, это нам несут, – захлопала в ладоши Кристи.

Фатима выросла возле нас с большим подносом, на котором едва умещались три блюда. Она ловко расставила их на столе перед нами.

– Да, кстати, еще вина. – Он посмотрел на меня. – Красного. Как ты любишь.

Я подобралась.

– А девочке – сок, – продолжил Игорь. – Тебе какой?

– Виноградный.

– Откуда ты знаешь эту Фатиму? – спросила я, как только официантка отошла от столика.

– Часто хожу в этот ресторан. Я же работаю здесь на раскопках. И хожу сюда есть. Ты не забыла о моих археологических экспедициях? Я, кстати, здесь тружусь, а не отдыхаю.

За два года до того как мы расстались, Игорь стал работать на раскопках в Крыму. Кристи была маленькой, и я не

могла составить ему компанию. Представляю, как он там отрывался вдали от меня...

Я вздернула подбородок.

– И как там у тебя черепки-горшочки поживают? – насмешливо спросила я.

Но Игоря этим было не пронять.

– С черепками-горшочками все нормально. Кстати, есть пара интересных находок, которыми заинтересуется научный мир. Так что с работой все в порядке. Хотя есть определенные сложности.

– Какие? – Я взяла в руки вилку и нож. Блюдо – филе акулы с зеленью и крупными креветками – выглядело аппетитно.

– Сложности юридического характера. Дело в том, что та земля, на которой мы ведем раскопки, – оказывается, принадлежит некоему Алару Абаджи. И он активно сопротивляется нашему присутствию на этой территории.

– А она действительно его?

Игорь пожал плечами.

– Мы стали выяснять этот вопрос. Мы же ездим на раскопки каждый год, и голыми руками нас не возьмешь. Нам удалось выяснить, что сделка купли-продажи земли составлена неправильно и посему юридической силы не имеет. Но Абаджи не собирается уступать нам и грозит стереть всех с лица земли, если мы не уберемся с его, как он считает, территории. Пока все ограничивалось словесными угрозами, но

вчера одного моего студента зверски избили, и боюсь, что это только начало.

Игорь нахмурился.

– Ты видел этого Абаджи?

– Мерзкий тип. Такой местный мафиозный мачо, который привык всех строить по стенке и распальцовывать.

– И что ты думаешь делать дальше?

Я ела акулу и с интересом слушала Игоря. Я поймала себя на некоем дежавю. Как будто бы он пришел с работы, ужинает и рассказывает мне о прошедшем дне. А я внимательно слушаю его.

– Честно говоря, не знаю. Я предлагал Роману пойти в милицию и все откровенно рассказать. Но это не лучший вариант, потому что так мы сразу восстановим против себя местных. У них свои своих покрывают. Ясно, что лучше разрулить этот вопрос полюбовно. Поэтому мы решили пока никуда не сообщать, а посмотреть, как события будут развиваться дальше.

– Ни фиги себе! – повертела я головой. – Вас уже избивают, а вы полюбовно! Кроткие и пушистые...

– Наука требует жертв.

– Но не до такой же степени!

– Пока мы никуда не идем и в милицию ни о чем не сообщаем. А если что... – фразу Игорь не закончил. Принесли вино для нас и сок для Кристины.

– А помнишь, как мы отдыхали в Крыму десять лет назад?

Еще до рождения Кристины? Ты не забыла?

Я закусила губу. Как же это можно было забыть? Мы оба, счастливые, загорелые, снимали какую-то маленькую комнату-закуток у хозяйки и возвращались туда поздно вечером под неодобрительным взглядом большого черно-белого кота. Маленькая комната была как корабельная каюта – одна кровать, два стула и тумбочка. На большие апартаменты у нас просто не хватило денег. Я училась в институте, Игорь преподавал. И на летний отдых мы копили в течение года.

Кот сидел на кухне под большим цветком фикуса и при нашем появлении задирал вверх морду и спрыгивал на пол. Он терся о наши ноги, выпрашивая еду, и мы старались приносить ему какое-нибудь угощение: кусочек колбаски или сметану. А потом, смеясь, шли к себе и бросались на кровать в немом исступлении, срывая друг с друга одежду, и наши руки на ощупь узнавали тела в темноте, пытаясь добраться до каждой интимной складочки или уголка. Пружины на старой кровати под нами отчаянно скрипели, и мы то задыхались от смеха, то замирали, делая остановку между нашими любовными играми. И эти паузы заполнялись медленными ласками. Пальцы Игоря скользили по моему разгоряченному телу, и, пребывая в странном полуобморочном состоянии, я ощущала, как внутри зреет взрыв, а когда он наступал, я уже не могла сдерживать себя: из моего горла вырывался стон, и, вцепившись руками в плечи Игоря, я исступленно мотала головой, желая продлить это наслаждение.

– А помнишь черно-белого кота? – внезапно спросил Игорь.

Я вздрогнула.

– Помню. Но зачем сейчас говорить об этом? К чему?

– Просто так. Воспоминания – замечательная вещь!

Я отпила вино. Вкус – божественный. Крымские вина напоминали мне о том времени, когда мы были по-сумасшедшему влюблены и не могли оторваться друг от друга. Лента воспоминаний продолжала разматываться дальше. Мы покупали бутылку домашнего вина, пакет фруктов и поднимались по узкой дороге наверх, к нашему домику. Это было в Гурзуфе. И однажды Игорь повторил со мной ту самую, знаменитую эротическую сцену из «девяти с половиной недель». Я лежала обнаженная на кровати, а он медленно водил виноградной кистью по моей груди, спускаясь все ниже и ниже.

Я смотрела на мужа сначала с улыбкой, а потом прикрыла глаза и застонала. Он приложил палец к моим губам: тише. Я понимающе кивнула. За стеной могла быть хозяйка, пожилая татарка с пестрым платком на голове и черными пронзительными глазами. Она была где-то здесь, неподалеку: было слышно ее громоуханье кастрюлями и медленные тяжелые шаги.

Прохладные виноградины легли на живот. Я резко выдохнула, мои глаза закрылись, и я медленно развела ноги...

Теперь упругие ягоды скользили по внутренней стороне

бедер. Мое тело охватила дрожь. Мне хотелось прекратить эту ласку, но в то же время я ждала продолжения.

– Еще... – прошептала я.

А потом тоненькая струйка вина полилась в ложбинку между грудями, и Игорь слизывал ее, обводя языком отвердевшие соски...

Похоже, что одни и те же мысли промелькнули у нас одновременно, потому что я провела языком по пересохшим губам и сделала жадный глоток вина.

Мясо акулы мне не показалось ничем особенным, но Кристине понравилось. Покинув ресторан, мы пошли гулять по набережной: шумная веселая толпа текла вперед, и мы влились в общий поток. С двух сторон тянулся длинный ряд сувенирных лавок, но на этот раз Кристи не тянула меня к ним, а шла рядом, держа Игоря за руку. А ведь мы со стороны выглядим как настоящая семья, промелькнуло у меня в голове. И никто не знает, что мы с Игорем расстались четыре года назад и я собираюсь замуж за другого. Да и Игорь тоже не одинок.

Пройдя несколько метров, мы спустились к морю. Любовные парочки сидели на песке, либо самозабвенно целуясь в темноте, либо о чем-то тихо шепчась.

Кристинка побежала к воде.

– Осторожно! – крикнула я ей. – Не промочи ноги.

Игорь сжал мой локоть.

– Может, присядем, – хриплым голосом сказал он.

– Зачем? – с легкой насмешкой спросила я и отодвинулась от него, тем самым восстанавливая дистанцию. Игорь молчал.

Кристинка подбежала к нам.

– Вода теплая-теплая. Можно искупаться?

– Не наплавалась за день? Хватит. Пора домой. Спать.

– Я провожу вас.

Я неопределенно пожала плечами.

Оставшийся путь мы проделали в молчании.

– Зайти можно? – спросил Шалимов, натянуто улыбнувшись, когда мы подошли к дому. – Кофем-чаем угостишь?

– Ну... заходи.

На кухне я заварила чай и, налив его в чашку, поставила перед Шалимовым.

– Вот. Чем богаты, тем и рады. Есть еще печенье.

– Не надо.

Чай он пил медленно, растягивая время. Разговор не клеился. Кристина крутилась под ногами, вид у нее был сонный, и я отправила ее спать. Она поныла, но пошла, помахав на прощанье Игорю рукой:

– Пока, папочка!

– Пока-пока!

Игорь допил чай и посмотрел на меня.

– Пошли, посидим в садике.

Конечно, я сошла с ума. Ничем иным я не могла объяснить себе, что я тут делаю... Сижу с бывшим мужем, ко-

торый нежно поглаживает мою руку и покусывает время от времени мочку уха. Он помнил, что я любила эти ласки и приходила от них в возбуждение. Я понимала, что мне нужно встать и уйти. Сказать «до свидания» или что-то в этом роде. Пожелать спокойной ночи и сухо кивнуть на прощание. Можно было... Существовал тысяча и один способ прекратить наше свидание, но я почему-то не делала этого. Почему?

Этот вопрос мучил меня. Неужели я мазохистка и способна простить человека, которого поклялась больше никогда не видеть и не слышать? Да, мы общались с ним эти годы, но из-за Кристины, и очень мало. Очень кратко. Очень сухо. А сейчас... Словно какая-то волна смысла прошлые обиды и понесла меня куда-то. И я не могла никак остановиться. Но в чем же дело? Я оказалась такой тряпкой? Или просто слабой женщиной? И что он обо мне подумает? Что я способна все простить и забыть?

И здесь меня осенило. Это виновата память. Тоска по родному запаху, вкусу кожи, крепким объятьям. Шесть лет мы прожили вместе. Шесть лет ложились в одну постель, засыпали и просыпались в ней, занимались любовью. А это так просто не выкинешь из памяти. Как ни старайся! Но... кажется, дело не только в этом... Я не успела сделать свое умо-заключение, как Игорь прошептал:

– Наверное, Кристинка уже уснула?

– И что? – так же шепотом спросила я.

Вместо ответа он встал и рывком поднял меня с дерева. Так же молча он помог мне перелезть через окно и подхватил на руки, едва я коснулась ногами пола. Отнес на кровать...

Он задыхался от страсти. Я – тоже. Боже! Как будто мы были на необитаемом острове и порядком нагуляли сексуальный аппетит. Он рвал пуговицы на моем сарафане, я – сдирала с него рубашку и дергала «молнию» на брюках.

Мы оба, как подстреленные, повалились на кровать, я перекатилась к стенке. Игорь навис надо мной.

– Лежи и ничего не делай, – шепнул он.

Я закрыла глаза. Внутри меня бушевал вихрь, но я покорно закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Я... боялась себя. Но в следующее мгновение меня опалило жаркое пламя: все страхи куда-то исчезли. В темноте мы были вдвоем. Я и Игорь. Только двое. Как давно мы не были вместе! Целую вечность.

Он прильнул к моим губам долгим поцелуем, а я обхватила его шею руками. Поцелуй длился и длился. Мы не могли оторваться друг от друга, да и не хотели.

Руки Игоря скользнули по моим бедрам и задержались на них. Его ласки всегда были жгуче-быстрыми: энергия переливалась через край и затапливала все вокруг. Но не здесь. Не сейчас.

Время остановило свой бег. Оно шло назад в ускоренном темпе и смывало, как морская волна, все эти годы, которые мы провели врозь, все обиды, все недомолвки, дни рождения

и праздники, которые мы праздновали с другими, чужими, людьми...

Наконец Игорь оторвался от меня и провел рукой по моему лбу: медленно, на ощупь, словно пытаюсь воскресить в своей памяти женщину, с которой он когда-то жил. Я открыла глаза.

– Ты почти не изменилась, – шепнул он.

– Почти?

– Да. Только... – Он провел пальцем по лбу. – Здесь появилась морщинка.

– И все?

Он не ответил, прильнув долгим поцелуем к моей шее. Потом соскользнул ниже... Он никуда не торопился. Он стремился наверстать то, что было упущено за эти годы. Но вместе с тем я чувствовала, что он с трудом сдерживает себя. Его дыхание участилось, а ласки стали лихорадочно-возбужденными. Он старался доставить мне наслаждение, пытался быть нежным и чутким, но страсть все равно прорывалась наружу. Она покалывала кончики его пальцев, и они становились сухими и горячими, слышалась в его бешеном сердцебиении и угадывалась в хриплом шепоте.

– Оля!

Я молча улыбнулась. Крещендо. Нам уже было мало этих тихих ласк. Он рывком вошел в меня, и мои бедра крепко обхватили его. Я хотела слиться с ним, и как можно быстрее. Мои руки скользили по спине Игоря вверх-вниз, а он

все яростней и глубже входил в меня, не обращая внимания на приглушенные стоны. Я уже не могла ни замедлить, ни ускорить этот темп. Мы дернулись навстречу друг другу, и яростная волна смяла все. Мощный оргазм сотряс мое тело.

После мы лежали и смотрели друг на друга, удивленные этой внезапной вспышкой страсти. Игорь провел рукой по моей груди. Я перехватила его руку.

– Старый кобелина, – шутливо сказала я.

– Какой есть. Тебе нужен я, – уверенно произнес он. – Так хорошо, как со мной, тебе не было ни с кем никогда...

– Да... – медленно сказала я, слыша, как мой голос отдается тихим эхом.

– Я это всегда знал. Ты сделала тогда ошибку и теперь понимаешь это...

И вдруг до меня дошло, для чего нужны были эти медленные томительные ласки, буквально сводящие с ума. Почему Игорь не торопился, а, наоборот, оттягивал, продлевал наслаждение. Обычно он любил быстрый, яростный секс. А здесь... все с точностью до наоборот. Ему нужно было подтверждение собственной власти надо мной. Ощущение, что он по-прежнему главный и незаменимый мужчина в моей жизни.

Власть и контроль – вот что было ключевым в нашем супружестве. Себе он взял полную свободу, а мне оставил все остальное – слезы, истерики, нервное ожидание, неуверенность, страх, долгие вечера вдвоем с Кристиной, когда я си-

дела как на иголках и постоянно прислушивалась: раздастся ли звонок в дверь.

Мне он оставил самую малость, но и этого хватило, чтобы когда-то мое терпение лопнуло. Чего уж он, конечно, не ожидал.

Мужчине всегда кажется, что женщина будет терпеть бесконечно. И когда она срывается, это приводит его в состояние шока и удивления: как она посмела!

И это – заноза на всю жизнь. Сильнейший удар по мужскому самолюбию, который очень трудно пережить...

Женщине положено терпеть и страдать. Другие варианты поведения просто не допускаются. Это типично мужская точка зрения, с которой бороться бесполезно.

Да, Игорь поддался стихийному порыву, но вместе с тем его жалкое мужское «я» скулило и требовало удовлетворения. Ему хотелось, чтобы я сейчас, сию минуту расплакалась и сказала: «Прости меня, я была настоящей дурой и страшно раскаиваюсь в этом. Ты самый лучший мужчина на свете. А я, жалкая идиотка, не оценила этого.

Я была не готова изо дня в день, из года в год ждать тебя долгими вечерами и носиться с тарелками по кухне, когда ты приходил. Я была не готова терпеть твоих любовниц, мириться с ними и делать вид перед родственниками и знакомыми, что с нашей семьей все в полном порядке.

Я была не готова стать твоей тенью, раствориться в тебе и

забыть о себе и своих желаниях.

И пожалуйста, прости меня за это».

Но этих слов Шалимов от меня не услышит.

Никогда.

Я стиснула зубы. Внезапно мне стало холодно. Игорь повернулся на бок и провел рукой по моей груди. Властно, похозяйски. Он утверждал свои права на меня, решив, что я по-прежнему его собственность. Как когда-то.

– Тебе же было хорошо со мной, правда? – вкрадчиво сказал он. Его слова забивались в мой разгоряченный мозг, как железные гвозди. – А ты, как прежде, горячая... я даже не ожидал. Твой нынешний, видимо, не очень хорош в постели... – И он усмехнулся.

Меня затрясло. Я привстала и со всего маху залепила ему пощечину. Лучше бы он не упоминал Борьку. Это уже была моя история и моя жизнь, а не его.

Я не заблуждалась насчет Бориса. И чем дальше, тем лучше видела, какой он. Просто в жизни каждой женщины наступает момент, когда она стоит на перепутье – искать ли ей дальше прекрасного принца или пойти на компромисс. С годами понимаешь, что мир страшно разнообразен и прекрасных принцев давно расхватали.

– Выметайся! Пока Кристи не проснулась. Немедленно.

– Ты чего? – опешил Игорь.

Но меня было не остановить.

– Сию минуту... чтобы твоего духа здесь не было.

– Оля!

– Все!

Я вскочила с постели и обернулась простыней.

– Ну... как хочешь... – Игорь пожал плечами. – Не понимаю, какая муха тебя укусила. После таких ласк...

– Тебе врезать во второй раз? – с угрозой в голосе спросила я.

– Я ухожу! – Игорь поднял вверх руки. – Успокойся.

– Я спокойна, как танк. Да уйдешь ты или нет!

Я готова была сама помочь ему одеться, лишь бы он поскорее исчез из комнаты. А заодно и из моей жизни.

– Уйду, уйду. Но прежде я хочу с тобой поговорить.

– О чем?

– О нас с тобой. Мы можем попытаться начать все сначала...

– Никакого «нас» давно нет, – перебила я его, выделяя слово «нас». – И весь разговор – полная бессмыслица.

– Когда ты немного успокоишься, то поймешь, что это не так. Просто ты сейчас раздражена.

Чтобы не разбудить Кристину, мы разговаривали громким шепотом.

– Слушай, Шалимов, то, что было сейчас, – ошибка с моей стороны и нервы. Считай, что ничего не было. Ты для меня остался в старой жизни, которой уже давно нет. Ты был неверным мужем и плохим отцом.

– Я люблю свою дочь.

– Только не играй в образцового папеньку! Ты им никогда не был.

– Не цепляйся!

Он был прав. Я цеплялась к нему в отместку за то, что еще недавно мы с ним занимались сексом и я стонала от наслаждения. Я не могла простить ему своей минутной слабости. И, кажется, он это хорошо понимал.

Я не смогла сделать из него хорошего мужа, но он к этому и не стремился. И по этой причине наш брак распался. Мне не надо было возвращаться в прошлое. Я сглупила. И теперь была готова получить сполна за свою ошибку.

– Уходи! – бросила я.

Он молча развернулся и ушел, выпалив напоследок:

– Хорошенько подумай над моими словами. Только остынь и не пыли. Я говорю дело.

Когда Игорь ушел, я залилась слезами. Как же я теперь бесилась и проклинала свою минутную слабость! Я выглядела в его глазах круглой идиоткой, более того – настоящей нимфоманкой, у которой сто лет не было мужика. А его шуточка насчет Бориса...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.